

Н. А. Михалев
**«СТАЛИНСКИЙ ГЕНОЦИД» (?): ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ СССР 1930–1940-х гг. В ОЦЕНКАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 94(470) "1930/1949":930

ББК 63.3(2)614-361+63.1

В статье рассматриваются подходы современной зарубежной историографии к истории этнических депортаций населения СССР накануне и в годы Второй мировой войны. Предметом анализа являются попытки применения к этим событиям такой международной правовой категории, как «геноцид». Показано, что, не имея возможности оперировать официальным определением данного понятия, зафиксированным в «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г., западные историки либо используют его с оговорками, либо базируются свои суждения на его различных авторских модификациях, не предусмотренных Конвенцией. Рассмотрены и критические возражения авторов, занимающихся конкретно-историческими исследованиями сталинских депортаций военного времени. Они аргументированно доказывают, что депортации не являются случаем геноцида и что любые дискуссии на эту тему будут не только идеологизированными, но и бесплодными с научной точки зрения. Особое внимание уделено мнениям современных зарубежных историков по вопросу о принципиальной применимости категории «геноцид» в ретроспективных исторических исследованиях. Даже те из них, кто считают ее «неизбежной» для описания и интерпретации исторических событий, подчеркивают необходимость использования этого понятия «с умом и большой осторожностью», указывая, что геноцид в качестве жестко определенной и закрепленной в праве юридической категории с трудом поддается расширенному толкованию. Другие отмечают, что установление того, соответствует ли какой-либо исторический эпизод юридическому определению, должно являться «побочным продуктом» работы историка, а никак не ее конечной целью или основой.

Ключевые слова: СССР, этнические депортации, Вторая мировая война, зарубежная историография, геноцид

Период с начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой войны, согласно Эрику Хобсбауму, стал для западной цивилизации «эпохой катастроф». ¹ Это был период, когда, по словам современника, Томаша Масарика, Европа превратилась в «лабораторию над огромным кладбищем». ² Данная характеристика справедлива и по отношению к СССР, переживавшему в это время серию коренных социально-экономических трансформаций. Одним из их инструментов и результатов стали принудительные перемещения населения, являвшиеся краеугольным элементом государственной системы миграций на протяжении всей первой половины XX в. При этом Вторая мировая и Великая Отечественная войны

занимают особое место даже в рамках этого временного отрезка, став кульминацией так называемых этнических депортаций, в ходе которых полному или частичному переселению подверглись отдельные народы Советского Союза.

В качестве самостоятельной научной темы история сталинских этнических депортаций была впервые проблематизирована в западной историографии работами Роберта Конквеста и Александра Некрича. ³ Однако вплоть до открытия доступа к соответствующим архивным материалам в 1990-е гг. зарубежные публикации по этому вопросу носили во многом публицистический характер, имея, помимо того, явно выраженную политическую окраску, будучи созданными в условиях глобального противостояния двух систем. Но даже после «архивной революции» некоторые оценки западных историков продолжают сохранять идеологический «налет». Особенно показа-

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 16.

² Цит. по: Mazower M. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. London, 1999. P. X.

Михалев Николай Анатольевич — к.и.н., ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

³ См.: Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London; New York, 1960; Idem. The Nation Killers. London, 1972; Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

тельным в этом отношении выглядят попытки использования для анализа истории депортаций такой международной правовой категории, как «геноцид».

Понятие «геноцид» получило свой текущий юридический статус в середине XX в. Вторая статья принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» определила геноцид как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Она же установила перечень этих действий: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.⁴ Несмотря на наличие официальной дефиниции, геноцид, подчеркивает американский историк Марк Мазовер, остается довольно «скользким понятием»,⁵ поскольку характеризуется, как писал Лео Купер, «непреодолимой проблемой точной классификации».⁶ За прошедшие с 1948 г. десятилетия многие исследователи неоднократно указывали на то, что данное Конвенцией определение является одновременно как слишком узким (не включая, к примеру, политические и социальные группы), так и слишком широким (не ограничиваясь лишь случаями массового убийства).⁷

Эта неоднозначность проявилась в 1990–2000-е гг. даже в работе профильных международных трибуналов, которые, используя Конвенцию в своей практике, находили содержащееся в ней определение «неадекватным и

нечетким», интерпретируя его так, как считали нужным. Основное разногласие в данном случае возникало между теми, кого Генри Хаттенбах именуется «буквалисты» и «генералисты», т. е. теми, кто пытался строго следовать языку Конвенции в самом узком смысле ее слов, и теми, кто опирался на нее как на «общий принцип», который должен гибко использоваться в каждой конкретной ситуации. Именно поэтому, в частности, тонкая грань, отделяющая массовые убийства от геноцида, нередко оказывалась «произвольной»: обвинения в геноциде редко оставляли «явные улики» или «документальные следы», и доказать в суде существование «намерения» — определяющего для геноцида фактора — было проблематично.⁸

Неудовлетворенность официальным определением Конвенции побудила многих авторов к обоснованию альтернативных дефиниций геноцида. Заимствуя терминологию Г. Хаттенбаха, мы также условно можем разделить их на «генералистов» и «буквалистов». Первые выступают за расширенное определение геноцида как «многостороннего уничтожения, включающего социальное и культурное, а также физическое и биологическое», а вторые, придерживаясь более «ортодоксальной» позиции, резервируют этот термин лишь для случаев намеренного физического уничтожения определенных групп населения посредством массовых убийств.⁹ Исследователи,

⁸ См.: Huttenbach H. R. The Genocide Factor in the Yugoslav Wars of Dismemberment // Reflections on the Balkan Wars: Ten Years after the Break-Up of Yugoslavia. New York, 2004. P. 23, 24. О сложностях, связанных с доказательством намерения, указанного в определении Конвенции, см. также: Gellately R., Kiernan B. The Study of Mass Murder and Genocide // The Specter of Genocide. Mass Murder in Historical Perspective. Cambridge; New York, 2003. P. 14–17.

⁹ См.: Shaw M. From Comparative to International Genocide Studies: the International Production of Genocide in 20th-century Europe // European Journal of International Relations. 2012. Vol. 18, № 4. P. 650. Обзор основных подходов к определению геноцида, предложенных в разное время зарубежными исследователями, см.: The Conceptual Dimensions of Genocide // Genocide: Conceptual and Historical Dimensions. Philadelphia, 1994. P. 29–108; Straus S. Contested Meanings And Conflicting Imperatives: a Conceptual Analysis of Genocide // Journal of Genocide Research. 2001. Vol. 3, № 3. P. 349–375; Weiss-Wendt A. Problems in Comparative Genocide Scholarship // The Historiography of Genocide. Basingstoke; New York, 2008. P. 42–70; Levene M. Definitional Conundrums // Genocide in the Age of the Nation-State. Vol. 1: The Meaning of Genocide. London, 2005. P. 35–89; The Origins of Genocide // Jones A. Genocide: a Comprehensive Introduction. London; New York, 2011. P. 3–63; Moses A. D. Toward a Theory of Critical Genocide Studies. URL: <http://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/fr/document/toward-theory-critical-genocide-studies#title1> (дата обращения: 22.05.2017); и др.

⁴ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 22.05.2017).

⁵ Mazower M. Violence and the State in the Twentieth Century // The American Historical Review. 2002. Vol. 107, № 4. P. 1162.

⁶ Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. Harmondsworth, 1981. P. 10.

⁷ См.: Totten S., Parsons W. S. Introduction // A Century of Genocide: Critical Essays and Eyewitness Accounts. London; New York, 2004. P. 3, 4; Schabas W. A. The Law and Genocide // The Oxford Handbook of Genocide Studies. Oxford; New York, 2010. P. 124–142; The Genocide Convention // Spencer Ph. Genocide since 1945. London; New York, 2012. P. 9–23; и др.

пытающиеся сегодня применить «геноцидную рамку» для интерпретации истории сталинской России, неизбежно используют расширительный вариант определения, опираясь на его различные модификации.

Так, Отто Пол в своей монографии 1999 г., приводя в пример три «очевидных» случая геноцида XX в. (гурецкий, немецкий и руандийский), заключал, что сталинские депортации не составляли геноцид в том же смысле, что и перечисленные выше случаи. Советское правительство особо не заботилось о снижении смертности среди депортантов от голода и болезней, но и «не преследовало цели по полному уничтожению депортированных национальностей». Вместе с тем, полагает О. Пол, режим намеренно создавал такие условия жизни на спецпоселении, которые приводили к «частичному физическому уничтожению» оказавшихся там групп, что может соответствовать перечню действий, оговоренных в Конвенции.¹⁰ В дальнейшем исследователь стал более категоричен в выводах.

В вышедшей в 2000 г. статье с говорящим названием «Сталинский геноцид против “репрессированных народов”» О. Пол заявляет, что депортации, без сомнения, «представляли собой акты этнически мотивированного массового убийства».¹¹ Для квалификации этих действий как геноцида историк ссылается на оригинальное определение, предложенное автором данного термина, Рафаэлем Лемкиным, которое позднее легло в основу Конвенции 1948 г., но в измененном виде, в более «узком» смысле. Р. Лемкин считал, что геноцидом является уничтожение национальной группы не только путем массового истребления, но также посредством осуществления скоординированного плана различных действий, направленных на ликвидацию «существенных основ» ее жизни. Целью такого плана может выступать «дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и основ экономического существования национальных групп, уничтожение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни тех, кто принадлежит к таким группам». Другими словами, в первоначальной трактовке Р. Лемкина государству совсем не обязательно физически уничтожать

представителей какой-либо этнической или национальной группы, чтобы оказаться виновным в геноциде, поскольку фокус в этом отношении смещается на намерение разрушить ее групповую идентичность.¹²

С этой точки зрения, резюмирует О. Пол, «сталинский режим действительно совершил геноцид против “репрессированных народов”». Советское правительство стремилось «уничтожить эти этнические группы как жизнеспособные и особые культуры посредством комбинации массового изгнания и насильственной ассимиляции». НКВД и МВД целенаправленно отправляли депортированных в регионы, которые, как стало хорошо известно еще в ходе «кулацкой ссылки», отличались «невыносимыми условиями жизни», и не спешили обеспечить минимальные условия, требуемые для «базового выживания». Знание о «массовой смертности» среди спецпоселенцев, размещенных в этих районах в 1930-е гг., считает историк, вероятно, и сыграло свою роль в выборе данных территорий десятилетие спустя. Результатом стала вполне ожидаемая, по мнению О. Пола, избыточная смертность и существенно снизившаяся рождаемость, что свидетельствовало о реализации намерения по «частичному физическому уничтожению как формы коллективного наказания». Выжившие в ужасных условиях ссылки оказались, кроме того, подвергнуты насильственной русификации, лишившись тех культурных прав, которыми они пользовались до депортации.¹³

Сходной логики в своих рассуждениях придерживается Эрик Вайтц. Как и О. Пол, фактически ссылаясь на пункт «с» 2-й статьи Конвенции, он указывает, что, «почти без всяких сомнений», Советы намеренно поместили депортированных в такие жизненные условия, которые должны были стать причиной «чрезвычайно высокого» уровня смертности в соответствующих национальных группах. Если, продолжает Э. Вайтц, советское руководство и не стремилось к фактическому физическому уничтожению всех до единого представителя этих групп, оно, тем не менее, «предполагало» гибель существенной их части. При этом исследователь оговаривается, что сталинский СССР отнюдь не являлся «геноцидальным режимом», т. е. режимом, где физическая ликвидация определенных групп населения насквозь

¹⁰ См.: Pohl O. *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. London, 1999. P. 2, 3.

¹¹ Idem. *Stalin's Genocide against the «Repressed Peoples» // Journal of Genocide Research*. 2000. Vol. 2, № 2. P. 268.

¹² Ibid. P. 269.

¹³ Ibid. P. 269, 272, 275–277, 287, 288.

пронизывает политику государства до такой степени, что «вся система вращается вокруг человеческого уничтожения». Тормозом для советской политики, препятствовавшим развертыванию полномасштабной «программы геноцида» по образцу нацистской Германии, служило отсутствие развитой расовой идеологии и вера в возможность «переделки человеческих существ».¹⁴

Заметный резонанс в зарубежной историографии имела опубликованная в 2010 г. монография Нормана Неймарка «Сталинские геноциды». Ставя целью доказать «геноцидальную природу» сталинского режима, он включил в перечень случаев совершенного им геноцида раскулачивание, «голодомор», «большой террор» и этнические депортации конца 1930–1940-х гг. Рассматривая историю создания Конвенции 1948 г., Н. Неймарк показывает ее компромиссный характер и полагает, что официальное определение геноцида следует расширить за счет включения в него «запланированного уничтожения социальных и политических групп». Это расширение, по мнению историка, будет способствовать «более ясному пониманию» данного феномена в целом и даст исследователям возможность «говорить о геноциде как продукте советской системы».¹⁵ Вместе с тем даже эта расширенная дефиниция не всегда позволяет автору однозначно «подводить» под нее рассматриваемые события. По справедливому замечанию Мартина Шоу, Н. Неймарк «имеет обезоруживающую привычку сначала предположить, что определенный эпизод может считаться геноцидом, затем признать причины, почему он может им и не считаться, а затем заключить, что все-таки его следует считать таковым».¹⁶ Эта «привычка» проявляется при обращении Н. Неймарка и к этническим депортациям. Согласно выводам историка, репрессии против «враждебных» национальностей «в ряде случаев» приобретали «геноцидальные характеристики». К таким случаям он прежде всего относит депортации поляков, начавшиеся в середине 1930-х гг. и достигшие своего апогея в 1939–1940 гг. Описывая историю депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар в 1944 г., Н. Неймарк заключает, что «по самой

меньшей мере» их следует рассматривать как попытку «культурного геноцида».¹⁷

Неоднозначность оценок Н. Неймарка была отмечена многими рецензентами его работы.¹⁸ Кроме того, «Journal of Cold War Studies» организовал тематический форум, предложив специалистам по советской истории высказать свои взгляды на подходы ее автора.¹⁹ В ходе этого обсуждения этнических депортаций коснулись лишь двое из них. Андреа Грациози поддержал Н. Неймарка, полагая, что в случае с «наказанными народами» определение геноцида, приведенное в Конвенции, может быть применено «без колебаний». При этом называть геноцидом депортации с территории Прибалтики А. Грациози не спешит. Хотя в Конвенции и говорится «полностью или частично», пишет он, «интересно знать с исторической, интерпретационной точки зрения, какие именно относительные соотношения преследуемого населения должны быть достигнуты, прежде чем термин становится применимым». Если не учитывать порядок величины, возникает риск признания геноцидом слишком многих событий, тем самым лишая данную категорию ее силы.²⁰ Джеффри Россман отнесся к выводам Н. Неймарка более настороженно, отметив, что тот, категоризируя сталинские депортации как геноцид, вступает на «шаткую почву». Предпочтительное использование прилагательного «геноцидальный», по мнению Дж. Россмана, отражает слабость его аргументации и создает «неудачный эффект» смешения актов геноцида с тем, что надлежит понимать как «преступления против человечества».²¹

Участники дискуссии затронули и более общий вопрос — вопрос о принципиальной при-

¹⁴ Weitz E. D. *A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation*. Princeton, 2003. P. 12, 100, 101.

¹⁵ Naimark N. M. *Stalin's genocides*. Princeton, 2010. P. 4, 23, 24.

¹⁶ Shaw M. Review: Stalin's genocides by Norman M. Naimark // *Journal of Genocide Research*. 2011. Vol. 13, № 1/2. P. 196.

¹⁷ Naimark N. M. *Op. cit.* P. 96–98, 135.

¹⁸ На книгу вышло более десятка рецензий. См.: *The English Historical Review*. 2011. Vol. 126, №. 523. P. 1578–1580; *European History Quarterly*. 2012. Vol. 42, № 1. P. 187–190; *The European Legacy*. 2012. Vol. 17, № 3. P. 432, 432; *International Affairs*. 2011. Vol. 87, № 4. P. 1008–1010; *The International History Review*. 2012. Vol. 34, № 2. P. 407–409; *The Journal of Modern History*. 2012. Vol. 84, № 3. P. 782–787; *Law and History Review*. 2012. Vol. 30, № 2. P. 648–650; *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2012. Vol. 40, № 6. P. 953, 954; *Slavic Review*. 2011. Vol. 70, № 3. P. 700, 701; *Slavonic and East European Review*. 2012. Vol. 90, № 3. P. 567–569; и др.

¹⁹ Forum: Reappraising Mass Terror, Repression, and Responsibility in Stalin's Regime. Perspectives on Norman Naimark's Stalin's Genocides // *Journal of Cold War Studies*. 2012. Vol. 14, № 3. P. 149–189.

²⁰ См.: Graziosi A. Commentary: Stalin's Genocides, and... // *Ibid.* P. 160.

²¹ Rossman J. J. Commentary on Stalin's Genocides // *Ibid.* P. 181, 182.

менимости категории «геноцид» в ретроспективных исторических исследованиях. В этой связи Дж. Россман замечает, что «геноцид» не является единственной концептуальной категорией для характеристики массового насилия, совершенного как коммунистическими, так и некоммунистическими режимами на протяжении XX столетия. Для этой цели в распоряжении исследователей находится «богатый вокабуляр»: демоцид, политцид, социцид, элитцид, этноцид и т. д.²² — вот те термины, к которым, по его мнению, следует обратиться. Различные эпизоды сталинского массового насилия не станут менее ужасными при квалификации их в качестве преступлений против человечности или военных преступлений. Историки, призывает Дж. Россман, не должны поддаваться магнетизму «слова на букву Г».²³

А. Грациози, наоборот, считает, что, каким бы проблемным ни было понятие «геноцид» для описания и интерпретации исторических событий, в настоящее время оно является «неизбежным». Но историки должны использовать его «с умом и большой осторожностью». Как жестко определенная и закрепленная в праве юридическая категория геноцид с трудом поддается расширенному толкованию, к которому прибегает Н. Неймарк. Даже сам корневой компонент этого термина (греч. «генос» — род, племя) несет однозначное значение. Расширение определения лишь усилит противоречия, заложенные в Конвенции ООН, и создаст новые проблемы. «Если Сребреница — геноцид, если все массовые убийства — геноцид, то чем тогда является Шoa? — задается вопросом А. Грациози. — Конвенция о геноциде не говорит этого, но общественное мнение идентифицирует геноцид с уничтожением евреев нацистами, таким образом указывая на распространенное стихийное предпочтение в пользу более строгого, а не широкого значения данного термина».²⁴ История знает чрезвычайно большое число форм ликвидации различных групп населения, выделяемых по тому или иному основанию. Геноцид описывает лишь часть из них. Для обозначения намеренного уничтожения «интеллектуально построенных “классов” людей» А. Грациози, не довольствуясь имеющимся понятийным аппаратом, предлагает ввести новый

термин — «демотомия», образуя его от двух греческих слов. Первое — «демос» («народ»), который понимается как политический конструкт. Второе — «томе» («рассекаю») — указывает на «хирургические операции» по удалению самыми разнообразными способами (от принудительных депортаций до физического истребления) определенных «конгломератов» «чуждых» элементов, чтобы привести «народ» в соответствие с желаемым образом. Демотомию, пишет историк, практиковали самые разные государства во имя самых разных идеологий (национализма, социализма, национал-социализма, коммунизма, религиозного фундаментализма и т. д.).²⁵

На фоне общих рассуждений о сталинском геноциде намного более взвешенными и обоснованными выглядят выводы, к которым приходят авторы конкретно-исторических исследований, не подчиняющие их цели нахождения доказательств, подпадающих под официальное или неофициальное определение геноцида. К числу таковых, в частности, относятся работы Александра Статиева. Не стремясь к оригинальным концептуализациям и громким заявлениям, он ставит своей задачей изучение мотивов и последствий советских депортаций в годы Второй мировой войны, привлекая для этого документы из российских архивов и многочисленные документальные публикации, подготовленные российскими историками.²⁶

Исследователь подчеркивает, что СССР никогда не стремился к физическому уничтожению репрессированных этнических групп. Если советский режим, отмечает А. Статиев, пытался превратить жизнь определенных

²² Ibid. P. 168. Нетрудно заметить, что «демотомия» А. Грациози есть, по существу, еще одна производная от идей британского социолога Зигмунда Баумана о «государстве-садоводстве» (интервенционалистском государстве современного типа), ранее уже воплощенных в концепции политики населения, развиваемой в работах Питера Холквиста, Дэвида Хоффмана и других авторов. См.: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2010; Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: (Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России) // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 139–179; Hoffmann D. L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca; New York, 2011; и др.

²⁶ См.: Statiev A. Motivations and Goals of the Soviet Deportations in the Western Borderlands // The Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28, № 6. P. 977–1003; Idem. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–44: the North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6, № 2. P. 285–318; Idem. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge, 2010.

²² Практически исчерпывающий перечень подобного рода лексики см. также: Jones A. Op. cit. P. 26–29.

²³ Rossman J. J. Op. cit. P. 182, 183.

²⁴ Graziosi A. Op. cit. P. 166, 167.

групп в «сущий ад», то его чиновники говорили об этом открыто или намеками, понятными каждому советскому бюрократу. Однако ни официальные правительственные документы, ни внутриведомственная переписка не указывают на то, что «советские лидеры намеревались причинить те страдания, которые в реальности претерпели депортированные».²⁷

А. Статиев указывает на двойственное отношение государства к депортантам: с одной стороны, власти игнорировали моральную травму, нанесенную тем огульными обвинениями в измене и утратой родного дома, с другой — принимали постановления, нацеленные на минимизацию страданий от насильственного перемещения. В отличие от своих коллег-предшественников, для которых не существует никаких (или почти никаких) сомнений относительно намеренности действий советского руководства по созданию на спецпоселении жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение подвергнувшегося депортации населения, он анализирует отдельные решения правительства по хозяйственно-бытовому обустройству переселенцев (выделение земельных участков, кредитов на приобретение скота, зерна, стройматериалов, компенсаций за утраченное имущество). Историк приходит к выводу о том, что их неудовлетворительная реализация на местах не являлась свидетельством намерения физически ликвидировать депортированных. Забота о нормальном размещении и должном обеспечении жизненных потребностей переселенцев просто не входила в число приоритетных задач советского руководства. В качестве таких задач оно видело быстрое перемещение соответствующих групп населения во внутренние районы страны и считало их успешно выполненными, особо не интересуясь всеми прочими «второстепенными вопросами», связанными с переселением такого огромного числа людей. Советская система не работала без постоянного контроля сверху, и именно его отсутствие делало жизнь на спецпоселении такой «кошмарной».²⁸ Как ни парадоксально, в этой ситуации защитником прав депортированных перед государством выступал НКВД, «беспрестанно» сообщавший в центр об их бедственном положении и просивший о выде-

лении дополнительных материальных и иных средств для его улучшения.²⁹

Несмотря на все приказы, распоряжения, постановления и даже вмешательство НКВД, условия жизни депортированных оставались тяжелыми, о чем свидетельствовал высокий уровень их смертности. Как показывает исследование А. Статиева, особенно высокой летальность была в первые два года ссылки; в целом, она начинает уступать рождаемости лишь с 1949 г., когда естественный прирост фиксируется во всех группах, подвергшихся депортациям в 1943–1944 гг. Сам этот факт, подчеркивает историк, демонстрирует, что государство, тем не менее, не имело планов по «этническому геноциду». Оно просто «игнорировало гуманитарные последствия депортаций» ровно в той же степени, в какой игнорировались и последствия реализации всех прочих советских «больших проектов» (коллективизация, индустриализация и т. д.). Высокие показатели смертности являлись результатом «халатности, а не намерения».³⁰ Если бы советское правительство хотело осуществить физическое уничтожение соответствующих этнических групп, оно бы сделало это: его репрессивные возможности были столь же «безграничными», как и у нацистского режима. В этой связи А. Статиев, делая неизбежные отсылки к утверждениям о «сталинском геноциде», заключает, что, хотя «советские этнические депортации представляли собой безусловную катастрофу, они не являются однозначным случаем геноцида» и что любые дальнейшие дискуссии на эту тему будут «не только идеологизированными, но и бесплодными».³¹

Полностью разделяя выводы А. Статиева, мы не можем не согласиться с замечанием Рэймонда Эванса, по словам которого, независимо от того, насколько часто отдельные исследователи пробуют свои силы, предлагая очередные «самовольные» формулировки, геноцид остается в точности тем, чем был провозглашен ООН, т. е. «незыблемой правовой нормой, а не просто полезным эвристическим инструментом».³² Хотя у права и истории иногда могут быть сходные методы и цели,

²⁷ Statiev A. Soviet Ethnic Deportations: Intent Versus Outcome // Journal of Genocide Research. 2009. Vol. 11, № 2/3. P. 247.

²⁸ Ibid. P. 249, 251, 252.

²⁹ Ibid. P. 255, 256.

³⁰ Ibid. P. 248, 258.

³¹ Ibid. P. 259, 260.

³² Evans R. «Crime Without a Name»: Colonialism and the Case for «Indigenocide» // Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History. New York; Oxford, 2008. P. 137.

задача историка отлична от задач системы правосудия, а юридический и исторический подходы к доказательной базе не совпадают. Являясь по своему существу юридическим концептом, понятие «геноцид» предназначено для судебных решений, а не для того, чтобы вскрывать причины и механизмы массовых убийств или принудительных перемещений населения. В этом смысле, пишет Дональд Блоксхэм, он представляет собой «классический пример прошлого, рассмотренного телеологически», или «ретроспективную проекцию». Установление того, соответствует ли какой-либо исторический эпизод юридическому определению, должно являться «побочным продуктом» работы историка, а никак не ее конечной целью или основой.³³ Однако, как мы видели, некоторые современные исто-

рики продолжают работать в «квазиюридической рамке», стараясь доказать, что те или иные события следует считать геноцидом, а потому в их работах «признание» заменяет «объяснение» и «понимание» в качестве главной цели исследования. История, если немного перефразировать Майкла Гелба, и без того знает достаточное количество действительных случаев геноцида, чтобы превращать в геноцид то, что им не является.³⁴ К тому же всякие попытки обнаружить «геноцид» именно в советской истории неизбежно возрождают контексты и коннотации послевоенных идеологических баталий, когда, по выражению автора данного термина, Р. Лемкина, геноцид являлся для Запада той «концепцией, которая несет наивысшее моральное осуждение в нашей холодной войне против Советского Союза».³⁵

Nikolay A. Mikhalev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

“STALINIST GENOCIDE” (?): 1930–1940s ETHNIC DEPORTATIONS IN THE USSR IN THE MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

The article studies the modern foreign historiographers' approaches towards the history of ethnic deportations in the USSR on the eve and during World War II. The subject of the analysis is an attempt to interpret these events as falling under the international law category of “genocide”. It is demonstrated that given the inapplicability of the official definition of the concept of genocide as defined in the 1948 “Convention for the Prevention and Repression of the Crime of Genocide” the Western historians either use it with reservation, or base their opinions on its various ad hoc modifications outside of the text of the Convention. The author also reviewed the critical opinions of the authors focusing on specific historical research of the Stalinist war time deportations. All of them provided sound arguments against labeling these deportations as genocide, and emphasized that any discussions on the subject would inevitably be both ideologically charged and fruitless from the point of view of research. Special attention is given to the opinions of the modern foreign historians on the issue of the applicability of the “genocide” category in retrospective historical research in principle. Even those of the authors who believed its use was “inevitable” for the description and interpretation of the historical events stressed the need of using this concept “wisely and with great care” emphasizing that the term genocide as a formally defined and codified legal category could hardly lend itself to an extensive interpretation. Others noted that establishing whether a particular episode of history met a legal definition should be only a “side effect” of an historian’s study, and not its final goal or basis.

Keywords: *USSR, ethnic deportations, World War II, foreign historiography, genocide*

REFERENCES

Barnes S. A. Review: Stalin’s Genocides by Naimark and Weitz; Memoir of a Gulag Actress by Petkevich, Klots, Ufberg and Rubenstein; Gulag Voices: An Anthology by Applebaum and Brent; Gulag Boss: A Soviet Memoir by

³³ См.: Bloxham D. The Great Game of Genocide: Imperialism, Nationalism, and the Destruction of the Ottoman Armenians. Oxford, 2005. P. 95.

³⁴ См.: Gelb M. Review: Stalin’s genocides by Norman M. Naimark // The Russian Review. 2011. Vol. 70, № 3. P. 531.

³⁵ Weiss-Wendt A. Hostage of Politics: Raphael Lemkin on «Soviet Genocide» // Journal of Genocide Research. 2005. Vol. 7, № 4. P. 557. См. также: Cooper J. Raphael Lemkin and the Struggle for the Genocide Convention. Basingstoke, 2008.

Vasilevich Mochulsky and Kaple; *Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile* by Gheith, Joluck, Shopes and Stave. *The Journal of Modern History*, 2012, vol. 84, no. 3, pp. 782–787. (in English).

Bauman Z. *Aktualnost Kholokosta* [The relevance of the Holocaust]. Moscow: “Evropa” Publ., 2010, 316 p. (in Russ.).

Bloxham D. *The Great Game of Genocide: Imperialism, Nationalism, and the Destruction of the Ottoman Armenians*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 329 p. (in English).

Brandenberger D. Review: Stalin’s genocides by Norman M. Naimark. *The English Historical Review*, 2011, vol. 126, no. 523, pp. 1578–1580. (in English).

Connelly J. Review: Stalin’s genocides by Norman M. Naimark. *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2012, vol. 40, no. 6, pp. 953–954. (in English).

Conquest R. *The Soviet Deportation of Nationalities*. London; New York: Macmillan & Co., 1960, 203 p. (in English).

Cooper J. *Raphael Lemkin and the Struggle for the Genocide Convention*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008, 338 p. (in English).

Dewhurst M. Review: Stalin’s genocides by Norman M. Naimark; *The victims return: survivors of the Gulag after Stalin* by Stephen F. Cohen. *International Affairs*, 2011, vol. 87, no. 4, pp. 1008–1010. (in English).

Evans R. «Crime Without a Name»: Colonialism and the Case for «Indigenocide». *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2008, pp. 133–147. (in English).

Forum: Reappraising Mass Terror, Repression, and Responsibility in Stalin’s Regime. Perspectives on Norman Naimark’s Stalin’s Genocides. *Journal of Cold War Studies*, 2012, vol. 14, no. 3, pp. 149–189. (in English).

Gelb M. Review: Stalin’s genocides by Norman M. Naimark. *The Russian Review*, 2011, vol. 70, no. 3, pp. 529–531. (in English).

Gellately R., Kiernan B. *The Study of Mass Murder and Genocide. The Specter of Genocide. Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003, pp. 3–26. (in English).

Graziosi A. Commentary: Stalin’s Genocides, and... *Journal of Cold War Studies*, 2012, vol. 14, no. 3, pp. 155–169. (in English).

Hobsbawm E. *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The age of extremes. Short twentieth century (1914–1991)]. Moscow: “Nezavisimaya Gazeta” Publ., 2004, 393 p. (in Russ.).

Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2011, 327 p. (in English).

Holquist P. [Calculate, withdraw and exterminate: (Statistics and policies of the population in the last years of the tsarist empire and in Soviet Russia)]. *Gosudarstvo natsiy: Imperiya i natsionalnoe stroitelstvo v epokhu Lenina i Stalina* [The State of Nations: Empire and National construction in the epoch of Lenin and Stalin]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 139–179. (in Russ.).

Huttenbach H. R. *The Genocide Factor in the Yugoslav Wars of Dismemberment. Reflections on the Balkan Wars: Ten Years after the Break-Up of Yugoslavia*. New York: Palgrave Macmillan, 2004, pp. 23–34. (in English).

Jansen M. Review: Stalin’s Genocides by Norman M. Naimark. *Slavic Review*, 2011, vol. 70, no. 3, pp. 700–701. (in English).

Kuper L. *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*. Harmondsworth: Penguin, 1981, 255 p. (in English).

Levene M. *Definitional Conundrums. Genocide in the Age of the Nation-State. Vol. I: The Meaning of Genocide*. London: I. B. Tauris, 2005, pp. 35–89. (in English).

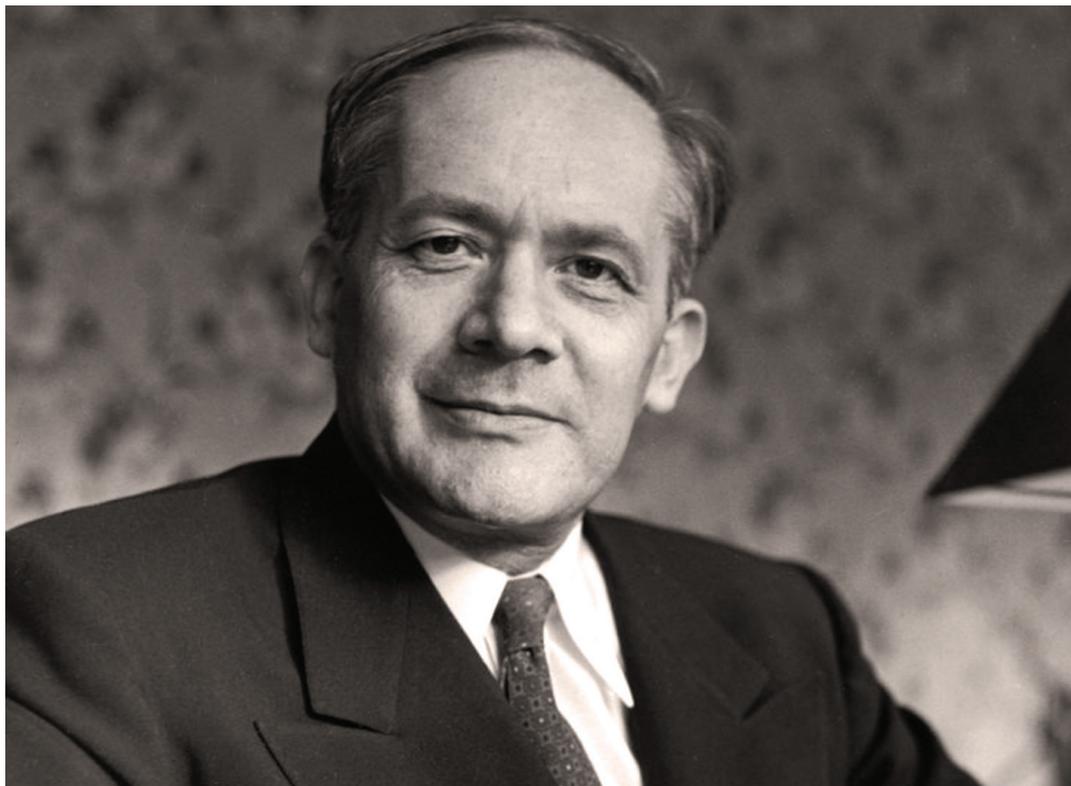
Litvin A. Sal’nikova A. Review: Norman M. Naimark, Stalin’s Genocides; Kevin McDermott and Matthew Stibbe, eds, *Stalinist Terror in Eastern Europe. Elite Purges and Mass Repression. European History Quarterly*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 187–190. (in English).

Mazower M. *Dark Continent: Europe’s Twentieth Century*. London: Penguin Books, 1999, 495 p. (in English).

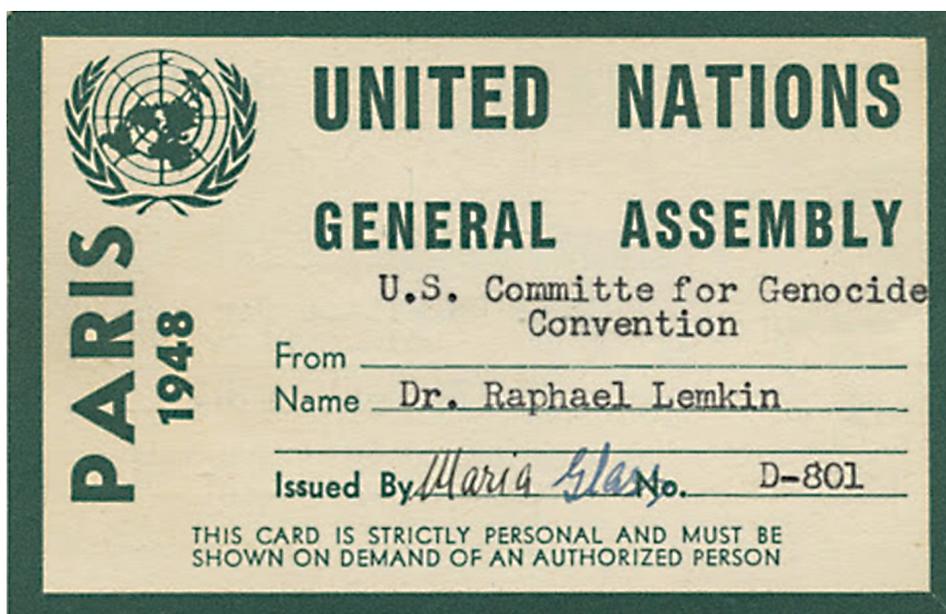
Mazower M. *Violence and the State in the Twentieth Century. The American Historical Review*, 2002, vol. 107, no. 4, pp. 1147–1167. (in English).

Moses A. D. *Toward a Theory of Critical Genocide Studies*. Available at: <http://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/fr/document/toward-theory-critical-genocide-studies#title1> (accessed: 22.05.2017). (in English).

- Naimark N. M. Stalin's genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010, 163 p. (in English).
- Nekrich A. M. *Nakazannye narody* [Punished peoples]. New York: Khronika Publ., 1978, 170 p. (in Russ.).
- O'Sullivan D. Review: Stalin's genocides. *The International History Review*, 2012, vol. 34, no. 2, pp. 407–409. (in English).
- Pohl O. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949. London: Greenwood Press, 1999, 179 p. (in English).
- Pohl O. Stalin's Genocide against the "Repressed Peoples". *Journal of Genocide Research*, 2000, vol. 2, no. 2, pp. 267–293. (in English).
- Rossmann J. J. Commentary on Stalin's Genocides. *Journal of Cold War Studies*, 2012, vol. 14, no. 3, pp. 179–183. (in English).
- Schabas W. A. The Law and Genocide. *The Oxford Handbook of Genocide Studies*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010, pp. 124–142. (in English).
- Shaw M. From Comparative to International Genocide Studies: the International Production of Genocide in 20th-century Europe. *European Journal of International Relations*, 2012, vol. 18, no. 4, pp. 645–668. (in English).
- Shaw M. Review: Stalin's genocides by Norman M. Naimark. *Journal of Genocide Research*, 2011, vol. 13, no. 1/2. P. 195–197. (in English).
- Solomon P. H. Review: Stalin's genocides by Norman M. Naimark. *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no. 2, pp. 648–650. (in English).
- Stan L. Review: Stalin's Genocides. By Norman M. Naimark. *The European Legacy*, 2012, vol. 17, no. 3, pp. 432. (in English).
- Statiev A. Motivations and Goals of the Soviet Deportations in the Western Borderlands. *The Journal of Strategic Studies*, 2005, vol. 28, no. 6, pp. 977–1003. (in English).
- Statiev A. Soviet Ethnic Deportations: Intent Versus Outcome. *Journal of Genocide Research*, 2009, vol. 11, no. 2–3, pp. 243–264. (in English).
- Statiev A. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–44: the North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2005, vol. 6, no. 2, pp. 285–318. (in English).
- Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 368 p. (in English).
- Straus S. Contested Meanings And Conflicting Imperatives: a Conceptual Analysis of Genocide. *Journal of Genocide Research*, 2001, vol. 3, no. 3, pp. 349–375. (in English).
- The Conceptual Dimensions of Genocide. *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994, pp. 29–108. (in English).
- The Genocide Convention. *Spencer Ph. Genocide since 1945*. London; New York: Routledge, 2012, pp. 9–23. (in English).
- The Origins of Genocide. *Jones A. Genocide: a Comprehensive Introduction*. London; New York: Routledge, 2011, pp. 3–63. (in English).
- Totten S., Parsons W.S. Introduction. *A Century of Genocide: Critical Essays and Eyewitness Accounts*. London; New York: Routledge, 2004, pp. 3–4. (in English).
- Weiss-Wendt A. Hostage of Politics: Raphael Lemkin on "Soviet Genocide". *Journal of Genocide Research*, 2005, vol. 7, no. 4, pp. 551–559. (in English).
- Weiss-Wendt A. Problems in Comparative Genocide Scholarship. *The Historiography of Genocide*. Basingstoke; New York: Palgrave-Macmillan, 2008, pp. 42–70. (in English).
- Weitz E. D. A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation. Princeton: Princeton University Press, 2003, 384 p. (in English).
- Whitewood P. Review: Stalin's Genocides by Naimark, Norman M. *Slavonic and East European Review*, 2012, vol. 90, no. 3, pp. 567–569. (in English).

Рафаэль Лемкин (1900–1959), автор термина «геноцид» и проекта Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него

Пропуск Р. Лемкина на заседание Генеральной Ассамблеи ООН. Париж, 1948 г.